

Байки от Баева

Валентин Николаевич Баев, один из «первопоселенцев» Академгородка, работает в Институте ядерной физики едва ли не со дня его основания. Я спросила, можно ли считать его официальным фотолетописцем института, но Валентин Николаевич это почётное звание отклонил. Между тем, мгновения событий, теперь ставших историей, много раз останавливались именно на его фотографиях, на которых мы видим людей, эту историю творивших.

том, а как обычные люди». А.М., по словам В.Н. Баева отличался контактностью, творческим подходом к работе и к жизни вообще, редким обаянием и к тому же был необычайно фотогеничен.

С первыми попытками сфотографировать Будкера и связана одна из историй из серии «голь на выдумки хитра». В Москве, в Институте атомной энергии АН СССР, который в те времена назывался воинской частью 33/93 и был строго режимным учреждением, фотографировать было нельзя.

— Когда меня принимали туда на работу, я на двенадцати страницах расписался, что никому и никогда, ни трезвым, ни пьяным не расскажу, чем мы будем заниматься. Но, будучи совсем молодым и шустрым, решил обойти запрет на фотографирование. Все фотоаппараты, которые у нас имелись, специально были Первым отделом заблокированы только на съёмку с близкого расстояния — с осциллографа картинку можно снять, а что-то большее — нет. И тогда я подумал: у меня очки с отрицательными линзами, а что если такую линзу поставить перед объективом фотоаппарата? Я поставил и увидел, что снимать можно всё. Тогда я сфотографировал Игоря Мешкова, ныне члена-корреспондента, а тогда младшего научного сотрудника, и сделал ещё несколько фото там, где это делать было запрещено. Через два часа меня вызвали в серьёзный Первый отдел и сказали, что если я ещё раз что-то подобное выкину, в институте больше работать не буду.

— Что, так оперативно сообщали?
— Конечно, сообщили. В каждом отделе были соответствующие люди. Но и мы сами бегали с фотографиями и трубили на всех углах, что, мол, приставили к «Зениту» отрицательную линзу — и фотографируй что хочешь!

Курчатов: работа — дом — работа

После этого, будучи определённым образом запуган, В.Н. уже не фотографировал, хотя регулярно встречался с И.В. Курчатовым.

— Я познакомился с ним лично благодаря дворянке. К институту прибилась собачка, хотели её выгнать, но Игорь Васильевич не позволил. Территория института тогда была очень зелёной, И.В. любил растения. Везде, куда он приезжал, ему старались что-то подарить. Тогда ему привезли целую аллею серебристых акаций и аллею голубых елей. Я шёл по аллейке, а навстречу мне бежит собачка. Игорь Васильевич кричит: «Молодой человек, не бойтесь, она не кусается!» Я ответил, что не боюсь собак, почесал её за ухом, она упала, подставила живот, я её почесал — и так мы с Курчатовым познакомились.

Мне было 22 года, но я уже знал, кто такой Курчатов. Позже мне довелось показывать ему нашу установку в закрытом зале. Видел я и Арцимовича, и Леонтовича, и Кадомцева, и Зельдовича — всю элиту, которая была занята в атомном проекте. Интерес к ним был большой, но снимать их не разрешалось.

Портрет Курчатова для ИЯФ Валентину Николаевичу всё-таки получить удалось, хотя и не собственного исполнения:

— Уже из Новосибирска я ездил в Москву, в Институт атомной энергии. Скринскому нужен был хороший портрет Курчатова, и он попросил меня привезти такой. На официальных мероприятиях Игоря Васильевича снимали допущенные фоторепортеры, а в частной обстановке — только его охранник, Д.С. Переверзев, большой фотолюбитель. Я с ним общался целый день, мы много говорили о фотографии, и в результате я привёз те портреты И.В. Курчатова, которые сейчас есть в нашем институте.

Нет ничего удивительного в частых встречах юного лаборанта с маститым академиком — И.В. Курчатов в буквальном смысле жил на территории института, в котором работал:

— На территории института у Курчатова был построен двухэтажный домик. Это правительство за удачное проведение всех испытаний подарило ему дом. Сказали: где вы хотите, там и построим, в любом месте Советского Союза. Он попросил на территории института. В мастерской академика Желтовского (президента Академии архитектуры в те времена) нарисовали проект этого дома, и сам Желтовский несколько раз приезжал на стройку. А когда строители положили стропила из сосны, он сказал: «Нет, так нельзя! Надо дубовые. Этот дом на века!» Иными словами, предполагалось, что многие поколения благодарных потомков будут помнить Курчатова. Сейчас тенденция

поменялась, и часть людей начинает думать: а может, зря делали бомбы?

— Тогда это было необходимо...
— Верно. Слабых всегда бьют. Мы в те времена без этого оружия однозначно оказались бы слабыми. А вот когда нашлись возможности для переговоров, даже А.Д. Сахаров стал противником атомного и водородного оружия.

Мужество признавать ошибки

Будкер впервые реализовал на практике идею встречных пучков. Физики говорили об этом и раньше, но осуществить никто не решился. К тому же и уровень техники был не соответствующий.

— Когда ещё в Москве А.М. начал продвигать свою идею и вынес на широкое обсуждение, вспоминает В.Н. Баев, — ак. В.И. Векслер, который в те времена был ведущим специалистом в ускорительной технике, встал и сказал: «Ничего у вас не получится. Как вы решите такие-то технические проблемы? Как собираетесь преодолевать такие и такие трудности?» Он спрашивал и спрашивал, и в конце концов Будкер сказал, что один человек (в оригинале китайской поговорки — дурак) может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не ответят.

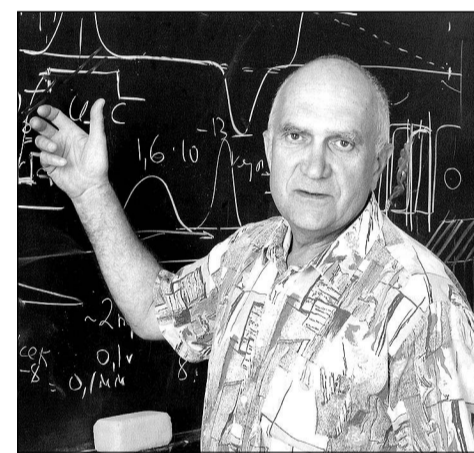
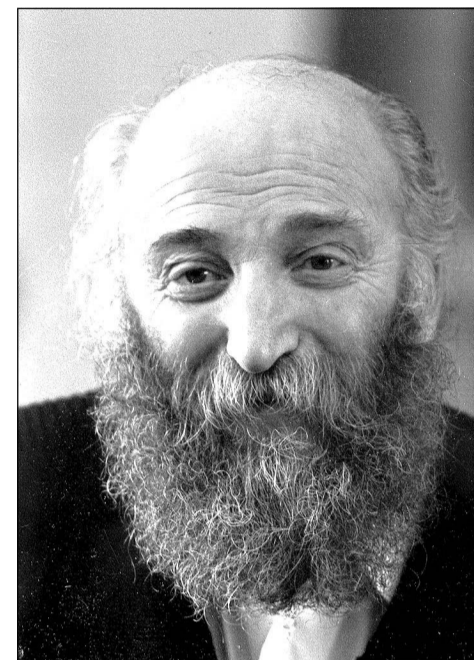
Однако установку на встречных пучках всё-таки запустили, причём во многом благодаря А.Н. Скринскому. Если какая-то идея оказывалась неудачной, он очень быстро находил другие варианты. И вот самое удивительное для меня, когда лет пять спустя после пуска установки ак. Векслер был у нас в Новосибирске, приезжал в ИЯФ, выступил у нас в конференц-зале и, несмотря на своё академическое звание, публично извинился, что негативно отзывался о наших работах и не верил в наш успех.

Человеческие отношения

Все люди, которых можно видеть на «институтских» фото В.Н. Баева, стали «большими людьми», академиками, директорами институтов.

— Александр Николаевич Скринский для меня так и остался Сашей. Ему сейчас 75 лет, как и мне. Он родился 15 января 1936 года, а я — 1 мая того же года. Он дразнит меня, что старше меня на пять месяцев. Мы познакомились в Институте атомной энергии, когда он был ещё студентом, а я уже сотрудником. И вот для команды, работавшей на нашем самом первом ускорителе, я сделал небольшое приспособление. Управляя ускорителем, ребята наблюдали процессы на экране осциллографа в полной темноте, а кнопку, с которой ускоритель запускался, они постоянно роняли, и, хотя она была на проводе, приходилось ползать в потёмках и искать её на ощупь. Я добыл через одну свою знакомую фосфоресцирующую краску для часов и этой краской окрасил футляр, куда эту кнопку помещали, так что находить её стало легко. Так начался наш человеческий контакт. Не все уехали тогда с нами в Сибирь, некоторые остались в Москве. Но, к сожалению, многих уже нет в живых.

А с Александром Николаевичем, с Сашей мы провели много времени, долго дружили семьями, поэтому оказалось, что мне трудно его снимать. У меня никак не получа-

ется его официального фото. Всегда на снимке живое лицо.

— Фотография — дело трудное, — посетовал Валентин Николаевич. — Протокол, согласно которому в институте следует фотографировать гостей, до сих пор не выработан. А ещё бывает так, что фотографировать человека можно, а вот как он на это отреагирует — неизвестно.

Один крупный учёный, которому В.Н. Баев подарил на юбилей альбом, где учёный муж был запечатлён ещё молодым учёным человеком, был в растерянности и даже как-то испугался: «Зачем вы мне дарите альбом?» — «Да на память», — ответил Валентин Николаевич.

Могу заверить: в том, что мне показали, никакого компромата нет. Все снимки исключительно добрые. Валентин Николаевич Баев — летописец, а не папарацци.

Мария Горынцова, «НВС»

На снимках В. Баева:

— В.Н. Баев (фото В. Новикова);

— Г.И. Будкер;

— удоски В.М. Аульченко;

— Н.С. Диканский и С.Е. Бару.

Валентин Николаевич показал мне альбомы с фотоснимками. Выразительные чёрно-белые изображения — почти легендарная эпоха 60-х. Цифровые фото в цвете, напечатанные на принтере. Не только исторические лица и события — здесь и семейные праздники, и родные, и друзья, а также пейзажи, животные, цветы, снятые ярко, но с тонким чувством цвета.

И инструкцию прослушал, что там можно, что нельзя

При этом, по словам Валентина Николаевича, Первый отдел ИЯФ долгое время вообще не позволял сотрудникам вносить на территорию института фотоаппаратуру.

— Доходило до смешного: приезжают к нам иностранцы, их ведут по институту, они снимают. Нам — категорически запрещено, в том числе и фотографировать гостей. А у нас бывали такие интересные люди, не только учёные, а деятели театра, писатели, политики...

Долгие переговоры с начальником Отдела кадров, который успел после войны побывать на должности начальника лагеря, отнюдь не пионерского, да не одного, в 1970 году никак не могли увенчаться разрешением. Кадровик ссылался на некую инструкцию КГБ, которую показывать лаборанту, даже с первой степенной допуском, нельзя — только директору и заместителям. Обращение к заместителям результатов тоже не дало. Выждав некоторое время, Валентин Николаевич пошёл к А.М. Будкеру. Первое предложение директора — послать кадровика в очень дальний путь на словах — было обоими участниками разговора признано неэффективным, поэтому Будкер решил поведаться с ним сам. Встретив на лестнице кадровика, В.Н. Баев сказал тому, что его ожидает директор. После разговора начальника отдела кадров с Будкером «инструкция» исчезла.

После этого всех гостей института Валентин Николаевич всегда фотографировал.

— Нет лучшего подарка для гостей, чем фотографии, — считает он. — Человек приезжает домой и показывает фото, вспоминает, где он был и что видел.

Начало: и сразу Рука Москвы

Заниматься фотографией Валентин Николаевич начал в детстве, в 10 лет (1946 г.). Семья его жила в Москве, отец был служащим, мать — железнодорожной рабочей. После войны мальчик жил с родителями и бабушкой. Естественно, жизнь была небогатой. Однако у приятеля Валя увидел аппарат «Комсомолец» и упросил родных купить ему такой же. Он копил рубли и копейки, затем ему добавили некоторую сумму, и он поехал на улицу Горького в магазин фототехники (Валентин Николаевич утверждает, что магазин этот есть и сейчас). В придачу к аппарату мальчик купил катушку плёнки, положил её в карман, а сам, выйдя на улицу, стал рассматривать её через видоискатель. Немедленно к нему подошёл мужчина в шляпе и в длинном синем плаще, очень модном в то время, положил ему руку на плечо и строго спросил: «Сфотографировал?» — «Нет, — ответил Валя, — у меня и аппарат не заряжен!» — «А ну покажи!» — потребовал мужчина. Мальчик открыл свой фотоаппарат и показал, что плёнки в нём нет. «Ладно, быстро беги отсюда!» — сказал неизвестный, отпуская Валя. Позже Валентин Николаевич узнал, что целился своим объективом как раз на то место, где дислоцировались чекисты, наблюдавшие за некоторыми постояльцами гостиницы «Минск».

Болтун опасней бракодела, а фотограф — болтуна

Нашу беседу о людях на фотографиях Валентин Николаевич предложил начать с Андрея Михайловича. Каждый, кто хоть немного знаком с этапами становления науки в Академгородке, знает, что речь идёт о Герше Ицковиче Будкере, имя которого теперь носит ИЯФ. В советское время в силу разных соображений его называли Андреем Михайловичем.

С Будкером Валентин Николаевич познакомился ещё в 1958 г. Это знакомство длилось до самой смерти академика, причём общались они «не как директор с лаборан-

